

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-60-66>

Несогласованные определения в предложении и тексте

Надежда Михайловна Девятова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, deviatovan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Аннотация. В статье рассматриваются несогласованные определения в косвенном падеже, относящиеся к существительному, называющему лицо, предмет или пространство, их семантика, текстовые функции и проблема обособления. Цель статьи – показать зависимость проблемы обособления от текстовых функций несогласованного определения. Обычно это необособленные определения, служащие средством выражения категории определенности. Категория определенности/неопределенности проявляется на данном участке системы как категория текстовая. Несогласованное определение, относящееся к лицу, чаще употребляется при представлении нового персонажа или нового взгляда на него. Такой текстовый фрагмент обычно организован точкой зрения наблюдателя и представляет репродуктивный фрагмент текста. Несогласованное определение может включаться в ряд других определений, с которыми связывается разными отношениями: уточняющими, причинно-следственными, распространяющими и др. Проблема количества определений при существительном со значением лица связана с разной степенью заинтересованности наблюдателя в представляемом персонаже. Для характеристики несогласованных определений важным оказывается такой признак, как значимый/незначимый (случайный) представляемый персонаж. Как неопределенные в контексте несогласованных определений выступают также предметные и пространственные существительные. Определения при них называют значимые признаки предмета и служат идее определенности.

Ключевые слова: несогласованные определения, категория определенности/неопределенности, определяемое слово со значением лица, предмета, пространства, визуальные и ментальные признаки, значимый/случайный персонаж, фигура наблюдателя

Для цитирования: Девятова Н. М. Несогласованные определения в предложении и тексте // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 60–66. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-60-66>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Non-agreeing attributes in a sentence and a text

Nadezhda M. Devyatova

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, deviatovan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Abstract. The article considers non-agreeing attributes in an oblique case modifying a noun that names a person (i. e. a person noun), an object, or space as well as their semantics, textual functions, and the problem of detachment. The aim is to show the dependence of the detachment problem on the text functions fulfilled by a non-agreeing attribute. As a rule, it is non-detached attributes which serve as a means of expressing the semantic category of definiteness. The category of definiteness/indefiniteness manifests itself as a textual category in this part of the language system. A non-agreeing attribute referring to a person is more often used when introducing new characters or a new view of them. Such text fragments are reproductive; they are usually organised by the observer's point of view. A non-agreeing attribute can join a sequence of other attributes which it is connected with through different relationships such as clarifying, cause-effect, extending, and others. The problem of the number of attributes modifying a noun referring to a person is associated with the viewpoint issue, i. e. different extent of the observer's interest in the depicted character. The important/unimportant

(random) depicted character criterion turns out to be significant for describing non-agreeing attributes. Object and spatial nouns also function as indefinite in the context of non-agreeing attributes. Attributes modifying them name significant features of the object and convey the idea of definiteness.

Keywords: non-agreeing attributes, definiteness/indefiniteness category, modified person noun, modified object noun, modified spatial noun, visual and mental characteristics, important/random character, observer figure

For citation: Devyatova N. M. Non-agreeing attributes in a sentence and a text. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2023;84(1):60–66. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-60-66>.

Введение. Несогласованные определения — один из видов определений, выраженных косвенным падежом существительного, сравнительной степенью прилагательного, наречия или инфинитивом. Такие определения называют разные признаки лица или предмета. В первую очередь они привлекают внимание в связи с проблемой пунктуации — их обособления/необособления. Однако пунктуационная проблема не может быть решена без обращения к более широкому контексту — к проблеме бытования несогласованных определений в тексте. Без этого сама проблема обособления/необособления лишается лингвистической опоры.

Несогласованные определения неполно представлены в учебниках и учебных пособиях, и причины их обособления оказываются недостаточно эксплицированными. Мы объясняли причины обособления таких определений свойствами определяемого слова — его определенностью/неопределенностью [Русский язык и литература 2019: 304–305]. Однако сама проблема определенности/неопределенности требует привлечения более широкого контекста. В настоящей статье рассматривается роль несогласованных определений в художественном тексте, а проблема обособления несогласованных определений — как производная от проблемы бытования несогласованных определений в тексте.

Цель статьи — показать роль несогласованных определений в языковой системе, продемонстрировать действие категории определенности/неопределенности на этом участке системы.

Задачи исследования — показать роль несогласованных определений в художественном тексте, их изобразительно-выразительные возможности, рассмотреть категорию определенности/неопределенности как категорию текста, объясняющую проблему обособления/необособления несогласованных определений.

Обращаясь к несогласованным определениям, Д. Э. Розенталь связывает проблему обособления с необходимостью «подчеркнуть выражаемое им значение»¹. Общепринятым можно считать положение, что обособляется несогласованное определение, если относится к имени собственному или личному местоимению. Однако многочисленные текстовые примеры (где обособления нет) заставляют и на эти случаи взглянуть по-иному.

Отдельного внимания заслуживает и проблема семантики единицы: какие признаки называют несогласованное определение, при каких существительных оно употребляется и как это влияет на выбор обособления/необособления.

Материал и методы исследования. Исследуются несогласованные определения в косвенных падежах, относящиеся к существительным, называющим лицо, предмет, пространство, собранные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы. Часть материала составили примеры из Национального корпуса русского языка.

В статье используются методы синтаксического и семантического анализа, метод компонентного анализа, приемы субституции.

В. В. Бабайцева считала несогласованные определения синкретичными членами предложения и видела в них «один их источников структурно-семантических ресурсов русского языка» [Бабайцева 2011: 248]. Автор отмечает их богатую семантику и обычное положение после определяемого слова [Там же: 283]. О синкретичности несогласованных определений пишет и В. И. Фурашов [Фурашов 2010: 209]. Семантика отдельных единиц исследуется в работах Н. А. Герасименко

¹ Розенталь Д. Э. Сборник упражнений: для школьников старших классов и поступающих в вузы. М.: Оникс; Мир и Образование, 2009. С. 145.

в связи с проблематикой бисубстантивно-го предложения (см., например: [Синтаксические средства... 2022: 39–41; 116–123 и др.]). В соответствии с классификацией типов минимальных синтаксических единиц Г. А. Золотовой несогласованные определения-существительные относятся к признаковым синтаксемам [Золотова и др. 1998: 50], которые употребляются либо в позиции сказуемого, либо несогласованного определения.

Проблема определенности/неопределенности главного слова, влияющая на обособление несогласованных определений, имеет разное значение для разных классов существительных. В пунктуационных правилах обычно речь идет об определениях, относящихся к существительному, называемому лицо. Однако определения, относящиеся к предметным именам, также явление нередкое. Рассмотрим пример:

А потом были еще две великие радости: мне купили сапожки *с красным сафьяновым ободком на голенищах...* и ремennую плеточку *со свистком в рукоятке* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Определение здесь называет отличительный признак предмета, обуславливающий его выбор персонажем. Такие определения, как правило, не обособляются, из чего можно сделать вывод, что определенность создается за счет изображенной ситуации. Именно несогласованное определение делает существительное определенным.

В русском языке категория определенности/неопределенности имеет разное выражение. Т. М. Николаева дает следующее определение данной категории: это «актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)»².

Н. С. Поспелов как одно из средств выражения категории выделял актуальное членение предложения [Поспелов 1970: 182].

Правила рекомендуют обособлять несогласованные определения, относящиеся

к личному местоимению. Они являются определенными в противоположность местоимениям неопределенным или определительным, например:

Она [Сашка], высокая, худощавая, еще совсем почти девочка, тонколикая, сидела с кувшином в руке, отвернувшись от брата, свесив с воза босые ноги, опустив ресницы; он, *в белом картузе, в батистовой косоворотке, с расстегнутым воротом*, загорелый, чистый, юный, держал вожжи, а сам смотрел на нее сияющими глазами, что-то говорил ей, радостно, любовно улыбаясь (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Личное местоимение, как известно, не принимает собственно определения. Определение при нем выполняет полупредикативную функцию.

В приведенном примере местоимение *он* представляет анафорический способ обозначения лица. Не только личное местоимение называет известное лицо, но и текст позволяет говорить о выделенности лица, о котором идет речь. Проанализируем роль определений, характеризующих лицо, предмет и пространство.

Говоря о представлении лица с помощью несогласованных определений, обратим внимание на семантику и позицию употребления определений.

Одна из частотных позиций — позиция после согласованного определения: *Она узнала в нем того утреннего, в белой рубашке* (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

Часто несогласованное определение находится в причинно-следственных, уточняющих отношениях с определением согласованным, например:

Ниночка, дочь Светы от первого брака, мордастая, *со вздутыми щеками*, росла как принцесса — *вся в любви и витаминах* (В. Токарева. Своя правда);

За столом прибавилась еще одна пара: муж и жена. Лена и Николай. Лена была рыжая, *с тяжелыми медными волосами*, очень красивая и молодая (В. Токарева. Одна из многих) —

взгляд наблюдателя как бы переходит от общего признака к признаку частному. Несогласованные определения употребляются в перечислительном ряду вместе с согласованными. В последнем примере согласованные определения стоят после несогласованных, но и здесь взгляд наблюдателя переходит от признаков ситуативных к признакам, имеющим постоянный характер.

² Николаева Т. М. Определенности — неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/349a.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Обратим внимание на текстовые функции несогласованных определений. Несогласованное определение встречается при представлении нового персонажа или нового взгляда на известное лицо. Рассмотрим примеры:

Это был господин лет тридцати, немалого роста, плечистый, *с огромною, курчавою, рыжеватою головой*. Лицо у него было мясистое и румяное, губы толстые, нос широкий и сплюснутый, глаза маленькие, заплывшие и насмешливые, как будто беспрерывно подмигивающие. В целом все это представлялось довольно нахально. Одет он [Фердыщенко] был грязновато (Ф. Достоевский. Идиот) –

при описании нового персонажа выделены следующие признаки: возраст, рост, фигура, голова и волосы, лицо: губы, нос, глаза. Признаки располагаются в определенном порядке – от более значимых, более общих, с точки зрения наблюдателя, к признакам более конкретным. В приведенном выше примере дано иное направление взгляда: текст представляет репродуктивный тип речи, организованный перцептивной модульной рамкой [Золотова и др. 1998: 390];

Но в толпе, недалеко от того места, где он сидел, откуда-то сбоку – он бы никак не указал, в каком именно месте и в какой точке – мелькнуло одно лицо, бледное лицо, *с курчавыми темными волосами, с знакомыми, очень знакомыми улыбкой и взглядом*, – мелькнуло и исчезло (Ф. Достоевский. Идиот) –

перечень признаков достаточно большой. Их цель – идентификация лица.

Обращает на себя внимание и другая проблема – количество представленных признаков в перечислительном ряду. Количественный параметр мы связываем с особенностями выражения точки зрения – определенной заинтересованностью модульного субъекта в описываемом персонаже. Например:

За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курагин, *толстый человек лет сорока в поношенной чечуновой жакетке и в истрепанных тиковых брюках* (А. Чехов. Хирургия).

Как известно, персонажи могут играть разные роли в развитии сюжета.

Значимый персонаж представляется большим количеством признаков, в том числе выраженных несогласованными определениями, нежели персонаж второстепенный, например:

Молодой человек [Мышкин], *тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой*. Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь. Лицо молодого человека было, впрочем, приятное, тонкое и сухое, но бесцветное (Ф. Достоевский. Идиот).

Второстепенные же персонажи не предполагают вглядывания. Их описания тоже могут включать несколько признаков, но они не приближают нас к персонажу, например:

Мы ходим с дядей по зале. За эти три года он сильно постарел и растолстел, покрикивает после каждой фразы, но радушен и говорлив по-прежнему; он рассказывает мне о видах на урожай, о начавшемся покосе. Сильная, румяная девка, *с платочком на голове и босая*, внесла шипящую на сковородке яичницу; по дороге она отстранила локтем полузакрытую дверь; стаи мух под потолком всколыхнулись и загудели сильнее (В. Вересаев. Без дороги).

Заслуживает внимания проблема семантики несогласованных определений. Несогласованные определения могут называть наблюдаемые и ненаблюдаемые признаки. Семантика несогласованных определений подробно рассмотрена в диссертации М. А. Тихомировой³.

Среди визуальных признаков назовем следующие: возраст, черты внешности: лицо, волосы; предметы одежды. Приведем примеры из романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева»:

Тут все необычайно, празднично: кучер *в желтой шелковой рубаше и плисовой безрукавке* на козлах тарантаса, запряженного тройкой; отец *с свежевыбритым подбородком и по-городскому одетый, в дворянском картузе с красным*

³ Тихомирова М. А. Несогласованные определения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2010. 251 с.

околышем, из-под которого еще мокро чернеют начесанные от висков к бровям волосы, мать в красивом, легком платье со множеством оборок; я, напомаженный, в шелковой рубашечке, с праздничной напряженностью в душе и теле.

Названы известные говорящему лица, но это новый взгляд на персонажа в новой обстановке. Множество перечисленных признаков позволяет наглядно представить описываемую ситуацию. Модус *представляю* передается с опорой на значительное количество визуальных признаков.

Разные персонажи могут выделяться на основании разных признаков. Обратим внимание на роль несогласованных определений при представлении случайного персонажа. Нередко называются бросающиеся в глаза признаки, в частности предметы одежды, например:

На расстоянии полукилометра от корпуса ко мне подошла молодая женщина *в дорогой шубе до пят*, выяснила, отдыхаем ли мы здесь и если да, то нельзя ли посмотреть номер (В. Токарева. Первая попытка).

Если наблюдатель не заинтересован в представляемом персонаже, он обозначает его одной опознаваемой деталью:

Женщина посмотрела на Федю *в вигоневой старушечьей кофте*, потом на Никитина *в изысканном замшевом пиджаке*, и на ее лице проступили следы усилий: видимо, она пыталась объединить этих двоих в одну компанию, но у нее не объединялось (В. Токарева. Сто грамм для храбрости).

При описании с опорой на предметы одежды значимого для говорящего персонажа, как правило, указывается большое количество признаков. Например: *Одна в пальто осеннем, / Без шляпы, без калош, / Ты борешься с волненьем / И мокрый снег жуешь* (Б. Окуджава).

Как видим из рассмотренных примеров, для выделения персонажа из общего круга самым «опознаваемым признаком» оказывается предмет одежды, например:

Но поскольку на лекции приходило не более десяти человек, то все это не имело никакого значения: ни Чехов, ни его борьба с пошлостью, ни актриса *в стареньком штапельном платье* (В. Токарева. Маша и Феликс);

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов *в новой шинели и с узелком в руках* (А. Чехов. Хамелеон).

Если речь идет о людях определенного социального статуса, называются типичные признаки одежды:

Не удивительны, не очень страшны оказались и учителя *во фраках с золотыми пуговицами*, то огненно рыжие, то дегтярно-черные, но одинаково крупные (И. Бунин. Жизнь Арсеньева);

Несогласованные определения могут называть и ненаблюдаемые признаки:

Почти в то же самое время и Афанасий Иванович Тощий, человек *высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства*, опять обнаружил свое старинное желание жениться. Это был человек *лет пятидесяти пяти, изящного характера, с необыкновенною утонченностью вкуса* (Ф. Достоевский. Идиот).

Такие определения могут обозначать социальный статус (*из хорошей семьи, человек высшего света, с высшими связями, необыкновенного богатства*), особенности характера (*с мелкими, но заметными недостатками, с глубоко скрытыми достоинствами; с предательством, подлостью; с коготью жизненного опыта, без накипи*), происхождение (*из Выселок*), возраст (*пятидесяти лет*) и др.

При существительных пространственного значения несогласованные определения встречаются значительно реже. Для представления пространства существует множество других способов. Анализируя категорию пространства, И. М. Кобозева отмечает его неразрывную связь с вещами, наполняющими его [Кобозева 1997: 154–155]. Определения и другие языковые средства называют значимые признаки пространства, например:

Я родился и рос, повторяю, совсем в чистом поле, которого даже и представить себе не может европейский человек. Великий простор, *без всяких преград и границ*, окружал меня (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Значимый признак пространства — отсутствие преград. В пространстве выделяются существенные «наполнители»:

Кончились последние остатки провинциальной Москвы *с немощеными дворами, бельевыми*

веревками, натянутыми между старых тополей, и пышным палисадом с бамбуками и золотыми шарами (Л. Улицкая. Бронька);

Жара стояла страшная, влажность стопроцентная. Казалось, весь громадный город, с его нечеловеческими домами, чудесными парками, разноцветными людьми и собаками, подошел к границе фазового перехода и вот-вот полужидкие люди поплывут в бульонном воздухе (Л. Улицкая. Веселые похороны).

На роль несогласованных определений в представлении пространства обратила внимание О. Ю. Казмирчук, анализируя одно из стихотворений А. Тарковского. Воскрешение в памяти пространства и его признаков позволяет воссоздать обстановку детства: *Туда ходил трамвай, и там была / Неспешная и мелкая река — / Вся в камышах и расе. / Я и Валя / Сидим верхом на пушках у ворот / В Казенный сад, где двухсотлетний дуб...* [Казмирчук 2008: 338].

Несогласованные определения с предметными именами встречаются реже. Предметное имя обычно выделяется при помощи одной детали, например: *Сवेशалки в сарае он сдернул линялую шляпу из солдатского среднеазиатского комплекта* (Л. Улицкая).

Исследуя когнитивный потенциал предметных существительных, Е. В. Рахилина отмечает их функциональность: «Эти имена предполагают определенный постоянный способ использования соответствующего предмета» [Рахилина 2000: 31], например:

Слева от обелиска стояла маленькая стела с овальной фотографией круглолицего, улыбающегося умными узкими глазами Павла Кима (Л. Улицкая. Медя и ее дети) —

фотография на стеле отражает назначение предмета.

Несогласованные определения при предметном существительном могут называть и другие признаки. Приведем некоторые примеры с существительными, обозначающими «мелкие» пространства, например части дома:

Кухня была сложена из дикого камня, на манер сакли (Л. Улицкая. Медя и ее дети) —

дополнение здесь называет материал, форму дома. В таком предмете выделяют отдельные составные части: *дом с высокой крышей и цветными стеклами; неправильной формы окна* и др. Дом и его

составные части в русской культуре, как отмечает И. В. Якушевич, имеет символическое значение [Якушевич 2018]. На роль «составляющих» дома мы обращали внимание в связи с исследованием сравнительного потенциала предметных существительных [Девятова 2022: 18–20]⁴.

Выводы. Итак, несогласованные определения, выраженные существительными, будучи использованными в определенном типе текста, могут называть наблюдаемые или ненаблюдаемые признаки. Вступая в связь с разными существительными, они делают их определенными. Определенность создается как контекстом, так и самой изображаемой ситуацией. В сочетании с существительным со значением лица они употребляются, как правило, при введении в пространство наблюдателя нового персонажа и наряду с другими определениями выделяют это новое лицо. В качестве выделяющих признаков используются особенности внешности, одежды.

С проблемой выражаемой точки зрения связано количество указываемых признаков. Количественный параметр отражает большую/меньшую заинтересованность наблюдателя в представляемом персонаже. Выступая в ряду других однородных членов, несогласованное определение вписывается в иконический порядок слов.

Несогласованные определения при других группах существительных встречаются значительно реже.

Что касается проблемы обособления, во всех случаях, кроме сочетания с личными местоимениями, мы имеем дело с необособленными несогласованными определениями. Такие определения употребляются при существительном, называющем новое лицо или предмет. Определение при нем выполняет выделяющую функцию, делает его определенным, т. е. выступает как одно из средств выражения категории определенности. Такие тексты, как правило, представляют фрагменты репродуктивного регистра.

⁴ О роли идеи дома и его пространства в организации художественного текста см.: *Колышева Е. Ю.* Пространство «вечного дома» в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 2021. № 1. С. 107–118. <http://doi.org/10.20339/PhS.1-21.107>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 496 с.
2. Девятова Н. М. Предметный мир сравнения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 2(46). С. 48. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.05>.
3. Золотова Г. А, Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
4. Казмирчук О. Ю. Стихотворение Б. Л. Пастернака «Летний день» в контексте «перedelкин-ского» цикла // Новый филологический вестник. 2008. № 1(6). С. 188–193.
5. Коболева И. М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. статей. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 152–163.
6. Поспелов Н. С. О синтаксическом выражении категории определенности/неопределенности в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 182–189.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
8. Русский язык и литература. Ч. 1. Русский язык: учебник / под ред. канд. филол. наук А. В. Алексеева. М.: ИНФРА-М, 2019. 363 с.
9. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис: избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. 368 с.
10. Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста. М.: ООО «Постатор», 2022. 244 с.
11. Якушевич И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте. Владимир: Транзит-ИКС, 2018. 182 с.

REFERENCES

1. Babaytseva V. V. The system of sentence members in modern Russian language. Moscow: FLINTA, Science, 2011. 496 p. (In Russ.)
2. Devyatova N. M. The subject world of comparison. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie"* = *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022;46(2):48–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.46.2.05>.
3. Zolotova G. A, Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: Publishing house of MSU, 1998. 528 p. (In Russ.)
4. Kazmirschuk O. Yu. B. L. Pasternak's poem "Summer Day" in the context of the "Peredelkino" cycle. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*. 2008;1(6):188–193. (In Russ.)
5. Kobozeva I. M. Grammar of space description. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv: sb. statei = Logical analysis of language. Languages of spaces: collection of articles*. Moscow: Languages of Russian culture, 1997. P. 152–163.
6. Pospelov N. S. On the syntactic expression of the category of certainty/uncertainty in modern Russian language. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku = Research in modern Russian language* / T. P. Lomtev, A. A. Kamynina (eds.). Moscow: Publishing house of MSU, 1970. P. 182–189. (In Russ.)
7. Rakhilina E. V. Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Russian dictionaries, 2000. 416 p. (In Russ.)
8. Russian language and literature. Part 1. Russian language: textbook / A. V. Alekseev (ed.). Moscow: INFRA-M, 2019. 363 p. (In Russ.)
9. Furashov V. I. Modern Russian syntax: selected works. Vladimir: VGGU, 2010. 368 p. (In Russ.)
10. Syntactic means as an expressive resource of text. Moscow: Postator, 2022. 244 p.
11. Yakushevich I. V. The symbol "house" in the Russian language and poetic text. Vladimir: Transit-IKS, 2018. 182 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Надежда Михайловна Девятова, доктор филологических наук, профессор

Nadezhda M. Devyatova, Doctor of Science (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 22.07.2022.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 22.07.2022.